

16408

1889 VIII

Handwritten text, possibly a signature or name, written in cursive script.

Handwritten text, possibly a date or number, written in cursive script.

Наблюдатель

~~1911~~

№ 108

1899, VIII

Гук Н. фон

ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Путевыя впечатлѣнія).

I.

... Начинаю свои очерки съ описанія Самарканда, — города, имѣющаго большое значеніе для Средней Азіи, благодаря своему положенію на Закаспійской желѣзной дорогѣ, которой онъ такъ долго служилъ исходнымъ пунктомъ.

Городъ Самаркандъ находится подъ $39^{\circ} 39'$ сѣверной широты и $84^{\circ} 39'$ восточной долготы, въ семи верстахъ отъ рѣки Заравшана. На югъ отъ Самарканда тянется горная цѣпь, вершины которой покрыты вѣчными снѣгами; въ этихъ-то горахъ и беретъ свое начало рѣка Заравшанъ, орошающая длинную полосу земли, на которой находится и Самаркандъ. Заравшанъ проходитъ до Бухары, но тамъ онъ уже значительно меньше, а между Бухарой и рѣкою Аму-Дарьей, Заравшанъ и совсѣмъ теряется въ пескахъ пустыни.

Въ настоящее время Самаркандъ — главный городъ области того же названія, управляемой военнымъ губернаторомъ. Жителей въ Самаркандѣ болѣе 30 тысячъ, включая сюда и туземцевъ; русскихъ же здѣсь не больше десяти тысячъ, считая въ томъ числѣ и войска.

Самаркандъ рѣзко раздѣляется на двѣ, ничего между собою похожаго не имѣющія, части:—русскую, занимающую площадь около одной квадратной версты, и туземную, разъ въ восемь ббольшую. Русская часть города со всѣхъ сторонъ, какъ кольцомъ, охвачена туземными селеніями; частью городомъ, частью *кишлаками*, какъ здѣсь называются туземныя селенія. Такимъ образомъ, русскій Самаркандъ занимаетъ незначительную площадку среди громадной площади земли, населенной туземцами. Здѣсь кишлакъ отъ кишлака не отдѣляются такъ, какъ у насъ въ Россіи отдѣляются одна отъ другой деревни болѣе или менѣе значительными разстояніями или

естественными границами, въ видѣ рѣкъ, лѣсовъ и овраговъ. Тутъ одинъ кишлакъ непосредственно прилегаетъ къ другому, сливаясь такимъ образомъ и между собою, и съ городомъ. Видимой границы не существуетъ, а существуютъ границы административныя, какія въ нашихъ городахъ раздѣляютъ одинъ участокъ отъ другаго.

Русская часть города, — какъ я уже сказалъ, — занимаетъ небольшую площадь, но и это маленькое пространство застроено очень не густо; есть кварталы въ три, четыре дома — и только. Возлѣ cadaго такого дома есть довольно большіе садики. На двухъ главныхъ улицахъ — Ката-Курганскомъ и Кауфмановскомъ проспектахъ — дома не такъ рѣдки и построены одинъ возлѣ другаго, но ни размѣрами, ни архитектурой не отличаются отъ домовъ другихъ улицъ. Всѣ дома здѣсь небольшіе, одноэтажныя, и во всемъ городѣ имѣется только одинъ двухъэтажный домъ изъ краснаго кирпича; обыкновенно же дома построены изъ сырыхъ не обожженныхъ кирпичей и снаружи выбѣлены. Крыши — частью желѣзныя, частью плоскія, земляныя или же войлочные. Во всемъ городѣ *нѣтъ ни одного деревяннаго дома* или стѣны, благодаря полному отсутствію лѣсовъ. Сосновыя доски для разнаго употребленія и столбы для телеграфа привозятся изъ Россіи и продаются здѣсь по очень высокой цѣнѣ. Говорятъ, что прежде вмѣсто сосновыхъ столбовъ для телеграфа употреблялись кипарисовыя, такъ какъ кипариса здѣсь достаточно въ горахъ, но ихъ почему-то нашли неудобными.

Ни одна изъ улицъ Самарканда не напоминаетъ европейскаго города, а больше всего напоминаетъ дачное мѣсто. Всѣ улицы усажены тополями въ четыре ряда, — два съ одной стороны улицы и два съ другой. Тополи эти достигаютъ здѣсь невѣроятной высоты и служатъ прекраснымъ средствомъ защиты отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, бросая сплошную тѣнь и на тротуары, и на мостовую, которая лѣтомъ обильно, два раза въ день, поливается изъ *арыковъ*, т. е. канавокъ съ проточной водой, проведенныхъ между тополями съ обѣихъ сторонъ каждой улицы. Безъ этихъ арыковъ жизнь растеній была бы здѣсь невысказана. Насаженныя на улицахъ деревья образуютъ собою непрерывныя аллеи, и такимъ образомъ дома видныются только черезъ двойной рядъ этихъ деревьевъ и совершенно исчезаютъ въ ихъ густой зелени: во-первыхъ, благодаря громадному росту деревьевъ съ одной стороны и незначительной высотѣ домовъ съ другой; а, во-вторыхъ, потому что дома окружены садами, зелень которыхъ охватываетъ ихъ съ боковъ и видныется черезъ невысокія крыши. На Кауфмановскомъ и Ката-Курганскомъ проспектахъ сосредоточена вся торговля. Здѣсь

находятся магазины, мастерскія портныхъ, часовщиковъ и т. д. Много вывѣсокъ прибито вмѣсто стѣнъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются магазины, къ тополямъ, чтобы были виднѣе. Хотя улицы города и уложены мелкимъ камнемъ, но зимою и осенью на нихъ очень много грязи, такъ какъ ихъ никогда не метутъ, благодаря чему камней никогда и не видно изъ-подъ слоя земли, всегда ихъ покрывающей и превращающейся въ грязь, кромѣ дождливаго времени, и при поливкѣ улицъ лѣтомъ. На нѣкоторыхъ улицахъ есть и тротуары, вымощенные кирпичемъ.

Камнемъ выложена и дорога, идущая къ вокзалу, который по какимъ-то непонятнымъ причинамъ находится въ пятиверстномъ разстояніи отъ города и представляетъ собою небольшое, одноэтажное, некрасивое зданіе, — прямая противоположность прелестному вокзалу въ Красноводскѣ, сдѣланному въ арабскомъ стилѣ, просторному и свѣтлому, эффектно выдѣляющемуся своей бѣлизной на темномъ фонѣ прибрежныхъ скалъ. Прежде Закаспійская желѣзная дорога начиналась отъ Узунъ-Ада, теперь же этотъ портъ признанъ неудобнымъ, и дорога беретъ свое начало у Красноводска, небольшого городка, расположеннаго возлѣ бухты, прекрасно защищенной скалами и представляющей поэтому значительныя преимущества передъ бухтою Узунъ-Ада. До этого года желѣзная дорога не шла дальше Самарканда, теперь же идутъ поѣзда въ Кокандъ. Дорога отъ вокзала до города пролегаетъ среди кишлаковъ и, также какъ городскія улицы, обсажена серебристыми тополями.

II.

Для пріѣзжающихъ, въ Самаркандѣ есть около пяти гостинницъ, изъ которыхъ въ одной имѣется даже лѣтній садъ съ открытой сценой. Изъ всѣхъ благъ «европейской культуры» кафе-шантанъ проникъ сюда прежде всего. Гостинницы—это тоже небольшіе домики въ три, четыре окна на улицу, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется не больше полдюжины комнатъ; эти комнаты помѣщаются частью въ главномъ зданіи, частью—во флигелькахъ. Цѣны на комнаты въ гостинницахъ довольно высоки: плохо меблированная комната во дворѣ, съ кирпичнымъ поломъ, полутемная, стоитъ 2 р. 50 к. въ сутки. Впрочемъ, это и не удивительно:—почти всѣ гостинницы содержатся жидами.

Въ городѣ есть одна церковь, если не считать тюремную, за городомъ; церковь построена въ углу большой квадратной площади, плохенькая, низенькая и очень маленькая. Противъ церкви выстроенъ военный клубъ, прекрасное большое зданіе, а неда-

леко отъ него—гражданскій клубъ, тоже большой. Невольно возникаетъ сравненіе съ этими обширными зданіями клубовъ и жалкимъ зданіемъ церкви. Говорятъ, большую церковь строить опасно,—можетъ разрушиться отъ землетрясенія. Удивительно, какъ это наши, высоко о себѣ мнящіе; инженеры не могутъ построить церкви, которую не разрушило бы землетрясеніемъ, когда живымъ доказательствомъ возможности большихъ и высокихъ зданій, служатъ: мечеть Тамерлана, медреса (по мѣстному выговору: «мадреса») и другія древнія мечети, которыя уже простояли вѣка, а построены не учеными архитекторами или инженерами, а полудикарями прошлыхъ вѣковъ. Маленькая русская церковь даетъ только поводъ туземцамъ говорить, что русскіе *не въ состояніи сдѣлать что либо подобное ихъ мечетямъ...*

Говорятъ, что въ здѣшнемъ краѣ и теперь еще есть развалины церкви пророка Иліи,—церкви, существовавшей въ глубокой древности, еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Какъ говоритъ извѣстный путешественникъ Марко Поло, въ этомъ краѣ христіанство было такъ распространено, что Самаркандъ составлялъ самостоятельную метрополию, въ которой было около 800 церквей!..

Военный клубъ, также какъ и церковь, находится въ углу, но не площади, а парка. Паркъ этотъ, не большой, но тѣнистый, служитъ мѣстомъ гулянья самаркандской публики, которая собирается здѣсь часовъ съ шести и расходится къ девяти, но это только лѣтомъ. Зимой самаркандцы нигдѣ не гуляютъ; лѣтомъ же — два раза въ недѣлю въ паркѣ, отъ шести до восьми часовъ, играетъ оркестръ военной музыки, и тогда число гуляющихъ увеличивается. Въ этомъ паркѣ есть и театръ, который по внѣшнему виду легко можетъ быть принятъ за какой нибудь складъ. Въ театрѣ, время отъ времени, даются спектакли или мѣстными любителями, подчасъ очень своеобразно понимающими характеры воспроизводимыхъ ими героевъ, или же изрѣдка заглядывающими сюда гастролерами.

Кромѣ описаннаго парка, есть еще другой, гораздо большій размѣрами и болѣе красивый по мѣсту положенія и разнообразію деревьевъ, но почему то онъ не посѣщается публикой и музыки въ немъ не бываетъ. Въ этомъ паркѣ есть сходъ подъ гору, состоящій изъ широкой лѣстницы, раздѣленной посрединѣ площадкой. Ступени лѣстницы до площадки мраморныя, а ниже площадки—кирпичныя, но эта лѣстница, какъ и все здѣсь вообще, содержится крайне небрежно: плиты частью разбиты, частью совсѣмъ сняты. Хотя г. Красновъ, въ своей статьѣ: «У азіатовъ», очень удивляется образцовой чистотѣ самаркандскихъ улицъ и парковъ,

но это удивленіе вызвано, вѣроятно, контрастомъ съ туземнымъ и городами, а никакъ ужь не сравненіемъ съ городами европейской Россіи, какъ увѣряетъ г. Красновъ. Какъ парки, такъ и бульваръ содержатся очень плохо и почти не имѣютъ скамеекъ для сидѣнья, за исключеніемъ парка у клуба, въ которомъ есть съ полдюжины скамеекъ. Впрочемъ, для точности я долженъ сказать, что въ большомъ паркѣ тоже есть *три* скамьи и *пять* на бульварѣ (*excusez du peu!*).

Бульваръ этотъ замѣчательно красивъ. Совершенно ровный, онъ имѣетъ въ длину около версты; очень широкій, онъ усаженъ въ шестнадцать рядовъ деревьями и образуетъ семь аллей—двѣ для ѣзды и пять для ходьбы. На этотъ бульваръ выходитъ домъ военнаго губернатора, очень эффектно утопающій въ принадлежащемъ къ нему большомъ саду, единственномъ въ Самаркандѣ, обнесенномъ стѣною; оба же парка и бульваръ не имѣютъ вокругъ ни стѣнъ, ни рѣшетокъ и открыты со всѣхъ сторонъ, что еще больше способствуетъ ихъ загрязненію. А жаль!—здѣсь такая чудная, роскошная растительность, настолько пышная и колоритная, что у насъ о ней даже составить себѣ представленіе довольно трудно.

Недалеко отъ церкви, на той же площади, въ крохотномъ домикѣ помѣщается музей. Это — небольшая квадратная комната, аршинъ десять въ длину и ширину, наполненная разнообразною смѣсью. Какой это именно «музей»—сказать невозможно. Это ни этнографическій, ни сельскохозяйственный, ни нумизматическій, ни геологическій, ни какой либо другой музей. Тутъ есть и образцы матерій мѣстнаго производства, съ указаніемъ ихъ цѣны, но нѣтъ образцовъ туземныхъ одеждъ; есть образцы хлѣбныхъ сѣмянъ разныхъ русскихъ губерній; разныя монеты, какъ добытыя случайными раскопками, такъ и теперь находящіяся въ Азій, и даже какіе-то жетоны, не имѣющіе ничего общаго ни съ Азіей вообще, ни съ мѣстнымъ краемъ въ частности и т. д. Словомъ, собрано и сложено все, что попадало подъ руку. Называется этотъ винигретъ не музеемъ, а «музеумомъ»; такъ оно, вѣроятно, увѣсистѣе, а, слѣдовательно, солиднѣе и внушительнѣе...

Библіотеки въ Самаркандѣ нѣтъ ни одной, а потому приѣзжающимъ сюда остается или привозить съ собою книги, или покупать въ имѣющемся здѣсь книжномъ магазинѣ, который держитъ ихъ въ очень ограниченномъ количествѣ, и то преимущественно произведенія изящной литературы да учебники, за каковыя книги беретъ плату, далеко превышающую ихъ дѣйствительную стоимость.

Впрочемъ, въ Самаркандѣ все, что не производится здѣсь, а привозится, продается очень дорого, значительно дороже стоимо-

сти этихъ вещей въ Россіи съ причисленіемъ расхода по доставкѣ ихъ сюда. Даже въ единственномъ, имѣющемся здѣсь, аптекарскомъ магазинѣ, меня поразили, спросивъ за одинъ унцъ анисоваго масла вмѣсто *пятидесяти* копѣекъ, какъ продается оно въ Россіи,—*одинъ рубль семьдесятъ* копѣекъ, и *сорокъ* копѣекъ за два скрупула перувианскаго бальзама, когда въ Россіи цѣлый унцъ, т. е. двадцать четыре скрупула, стоятъ *сорокъ пять* копѣекъ!..

III.

Если обратить вниманіе на торговлю въ русскомъ Самаркандѣ, то становится замѣтнымъ, что подавляющее большинство торговцевъ — жидаы, сарты и другія народности, а ужъ незначительное меньшинство — русскіе. Есть здѣсь и заводы: нѣсколько хлопкоочистительныхъ, принадлежащихъ частью русскимъ, частью туземцамъ; три или четыре виноградно-водочныхъ, на которыхъ приготавливаютъ спиртъ и водку изъ винограднаго сока. Удивительно, что здѣсь до сихъ поръ нѣтъ сахарнаго завода, не смотря на то, что лѣтомъ 1897 года было время, когда въ магазинахъ покупателямъ не давали сахару больше, какъ по одному фунту, такъ какъ во всемъ Самаркандѣ его было едва нѣскольковъ пудовъ, а въ отдѣльныхъ магазинахъ имѣлось лишь по нѣскольку фунтовъ. Понятно, что цѣна на сахаръ въ это время возвысилась, а произошло это, благодаря застою въ подвозѣ, что вовсе не представляетъ собою исключительнаго случая. Это съ одной стороны, а съ другой — подъ рукою есть масса матеріала для выдѣлки сахара: по всѣмъ дорогамъ, пустырямъ и вездѣ, гдѣ только можно, растутъ роскошныя тутовья деревья, покрывающіяся въ маѣ массою ягодъ, достигающихъ $\frac{3}{4}$ вершка длины. Ягоды эти замѣчательно нѣжны, ароматичны и сладки до невѣроятія. Сарты дѣлаютъ изъ ихъ сока густой медъ, получаемый простымъ кипяченіемъ. Тутовыхъ ягодъ такъ много, что по дорогамъ, на которыя онѣ, созрѣвъ, падаютъ, отъ сока ихъ образуется грязь, прилипающая къ ногамъ. Теперь эти ягоды никакой цѣны не имѣютъ, такъ какъ, благодаря ихъ обилію, онѣ не собираются для продажи, да и покупателей не нашлось бы: всякій, кому нужно, можетъ самъ подобрать сколько ему угодно. Вотъ эти плоды тутовыхъ деревьевъ и могли бы служить дешевымъ и обильнымъ матеріаломъ для выдѣлки сахара. Кромѣ того, сахаръ можно было бы добывать и изъ винограда, который здѣсь очень сладокъ, и цѣна на который бываетъ обыкновенно около сорока или пятидесяти копѣекъ пудъ. Въ Самаркандѣ есть еще около пятнадцати мелкихъ кожевенныхъ заводовъ. Въ общей

сложности, на всѣхъ этихъ заводахъ въ годъ выдѣлывается отъ сорока до пятидесяти тысячъ кожъ рогатаго скота, которыя и расходятся въ Туркестанскомъ краѣ, лошадиныя же кожи въ сыромъ видѣ отправляются въ Россію, преимущественно въ Варшаву, для выдѣлки сапожнаго товара. Если не считать завода для обработки кишекъ, то этимъ и ограничивается вся фабрично-заводская дѣятельность Самарканда. Я, конечно, не причисляю сюда массу туземныхъ маслбоекъ, изготовляющихъ въ сутки фунтовъ по двадцати масла изъ сѣмянъ хлопка, кунжута, орѣховъ и т. д., а также ручную обработку шолка и выдѣлку изъ него матерій, чѣмъ занимаются исключительно туземцы-сарты.

Шолкъ, шолковыя матеріи употребляются сартами на удовлетвореніе своихъ нуждъ, а также идутъ въ Россію, куда отправляются и всѣ шолковые очески. Въ Россію также вывозятъ отсюда рисъ, хлопокъ, сушеный виноградъ, абрикосы и другіе фрукты, массу фисташекъ, миндаль. Продають все это здѣсь на мѣстѣ сарты, а покупкою и отправкою въ Россію занимаются преимущественно персіяне и, частью, армяне. Въ Самаркандѣ же привозятъ изъ Россіи товары галантерейные, мануфактурные; издѣлія изъ стекла и металла; косметику и другія издѣлія.

Въ русской части города базара нѣтъ, не смотря на сильное и естественное желаніе обывателей имѣть его, такъ какъ за всѣми продуктами приходится отправляться въ туземный городъ, или же высматривать, когда на улицѣ появится сартъ, разносящій или развозящій на ишакѣ то птицу, то картофель, то что либо другое.

Относительно учебныхъ заведеній, Самаркандъ тоже похвастаться не можетъ: въ немъ *нѣтъ ни одного средняго учебнаго заведенія, ни мужскаго, ни женскаго.*

Христіанское кладбище Самарканда находится сейчасъ же возлѣ города; оно довольно значительно и по объему, и по количеству могилъ. Посрединѣ кладбища, на круглой, обставленной кипарисами, площадкѣ возвышается небольшая часовня. Среди памятниковъ много и мраморныхъ, но большинство ихъ — изъ мѣстнаго мрамора пепельнаго цвѣта и неуклюжей туземной работы. Въ модѣ памятники, сдѣланные на подобіе ножки рояля. Есть памятникъ и уроженкѣ далекаго Парижа, занесшей свои кости въ среднюю Азію; есть, какъ и вездѣ, съ курьезно-безграмотными или комичными надписями.

Кладбище содержится также неопрятно, какъ и парки: возлѣ входныхъ воротъ имѣется сторожевой домикъ, постоянно украшенный грязными лоханками, ведрами, корытами, рогожами и бѣльемъ,

развѣшаннымъ на веревкахъ въ живописной пестротѣ. Впрочемъ это послѣднее украшеніе можно иногда видѣть и въ одномъ изъ парковъ, возлѣ самага театра.

Индиферентное отношеніе самаркандскихъ обывателей къ порядкамъ или безпорядкамъ въ общественныхъ мѣстахъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что они предпочитаютъ развлечения домашняго характера: выпивки и игру въ карты. Значитъ, семейныя добродѣтели здѣсь торжествуютъ. Кстати, о семейныхъ добродѣтеляхъ; самаркандцы, дѣйствительно, могутъ ими похвалиться: если какойнибудь Z гдѣ либо служить здѣсь, то тутъ же гдѣ либо служатъ его братъ или другой родственникъ, жена, дочь. У насъ въ Россіи привыкли думать и говорить, будто желающихъ служить на окраинахъ находится не много. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ желающихъ служить недостатка нѣтъ, но всѣ мѣста уже заняты; правда, во многихъ случаяхъ одно и то же лицо занимаетъ нѣсколько должностей, но все же эти должности заняты. Одинъ чиновникъ говорилъ мнѣ, что они не любятъ чужихъ; если же начинаютъ дѣйствовать несогласно съ установленными традиціями, такого выскочку выживаютъ. «У насъ все свои, по семейному», говорилъ онъ. Такъ вотъ какъ крѣпки здѣсь семейныя добродѣтели! Выходитъ, однако, что-то похожее на монополію. Вѣроятно, по этой причинѣ чиновники здѣсь и держатъ себя съ какимъ-то олимпійскимъ величіемъ. Мнѣ приходилось слышать на почтѣ, какъ какойнибудь продавецъ марокъ, флегматично покуривая, буквально покрякиваетъ на публику, что его тревожатъ изъ-за какого-то бланка.

Странное впечатлѣніе производитъ самаркандская полиція, т. е., собственно говоря, нижніе чины полиціи—городовые; всѣ они почему-то набираются изъ туземцевъ, «умѣющихъ говорить по русски», но вся бѣда въ томъ, что это умѣнье говорить по русски, въ большинствѣ случаевъ, нейдетъ дальше знанія нѣсколькихъ русскихъ фразъ, произносимыхъ на образовавшемся здѣсь сарто-русскомъ жаргонѣ. Всѣ эти полицейскіе чины одѣты въ длинные, каштановаго цвѣта, кафтаны, очень напоминающіе подрясники нашего духовенства, а на головѣ у нихъ, зимою и лѣтомъ, барашковая шапка, изъ-подъ которой выглядываетъ край пестраго колпака. Очень и очень нерѣдко этихъ городскихъ можно видѣть и безъ бараньей шапки, въ одномъ колпакѣ, засѣдающими гдѣ либо въ тѣни навѣса или деревьевъ, и курящими кальянъ или распивающими чай, вмѣсто того чтобы стоять на своемъ посту.

Для передвиженія въ городѣ, есть извозчики съ европейскими извозничьими парными колясками, правда, не первой свѣжести.

Между извозчиками есть русскіе, киргизы и таджики. Два слова о таджикахъ. Въ географіи Смирнова почему-то сказано, что многіе смѣшиваютъ таджиковъ съ сартами, тогда какъ въ дѣйствительности это два различныхъ народа, и сартъ ненавидитъ таджика, такъ какъ сартъ—суннитъ, а таджикъ—шіитъ. Это замѣчаніе почтеннаго географа положительно невѣрно: всѣ сарты называютъ себя таджиками и всѣ они—сунниты, такъ что сартъ и таджикъ—одно и то же.

Вся прислуга русскаго города, въ большинствѣ, сарты; они—кучера, повара, сторожа и т. д. Сарты же разносятъ по городу фрукты, масло, которое они научились у русскихъ дѣлать изъ сливокъ и сметаны, молоко, пирожки и хлѣбъ.

Перевозкой тяжестей въ русской части города занимаются, такъ называемые, арбакешы на своихъ двухколесныхъ арбахъ. Арбы имѣютъ видъ большихъ носилокъ съ длинными концами на одной сторонѣ; въ эти концы, служащіе оглоблями, впрягается лошадь. Носилки утверждены на двухъ огромныхъ колесахъ, имѣющихъ въ діаметрѣ около трехъ аршинъ. Иногда арбы бываютъ крытыя, на подобіе будокъ или повозокъ Краснаго креста. Самъ арбакешъ сидитъ не въ арбѣ, а верхомъ на лошади.

Воду для питья въ русскомъ городѣ берутъ изъ родника, находящагося въ туземной части города, но туземцы этой воды не пьютъ.

IV.

Къ русскому городу, — какъ уже сказано выше, — прилегаетъ туземный, рѣзко отличающійся отъ перваго. Средоточіе жизни туземнаго города составляетъ длинная улица, прорѣзывающая городъ отъ начала до конца. Улица эта—такой же ширины, какъ и улицы нашихъ городовъ, но, вмѣсто домовъ, по обѣимъ ея сторонамъ тянутся низенькія одноэтажныя зданія изъ сѣрой глины, въ которыхъ помѣщаются различныя лавки. Но это не тѣ лавки, которыя мы привыкли видѣть въ своихъ городахъ. Эти лавки не имѣютъ ни оконъ, ни дверей, а просто—передняя стѣна, сдѣланная изъ досокъ, разбирается. Въ лавкахъ нѣтъ ни шкафовъ, ни прилавковъ, ни вообще какихъ либо признаковъ лавочной мебели; покупатель не входитъ въ лавку, а покупаетъ нужное ему, стоя на тротуарѣ, тогда какъ продавецъ сидитъ на коврикѣ среди своихъ товаровъ. Войти въ туземныя лавки не представляется возможнымъ, такъ какъ большинство ихъ занимаютъ площадь не болѣе одной квадратной сажени, товары же расположены на полкахъ, а—

главное—на полу, такъ что входъ совершенно забаррикадированъ ими. Необходимо также принять во вниманіе, что входъ въ лавку не находится на уровнѣ тротуара, а возвышается надъ нимъ аршина на полтора. На этой же улицѣ, въ такихъ же лавкахъ, кузнецы, сапожники, токари, мѣдники и разные другіе мастеровые производятъ свои работы. Парикмахеры устраиваются прямо на улицѣ, а лѣтомъ и зимою тутъ же, подъ открытымъ небомъ, брѣютъ свои мусульманскія головы. Въ среду и воскресенье — базарные дни — на этой улицѣ, и на прилегающей къ ней въ срединѣ площади, происходитъ невообразимая толкотня. Массы сартовъ, узбековъ, киргизовъ и афганцевъ, въ халатахъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, заполняютъ улицу и пѣшкомъ, и верхомъ на лошадяхъ и ишакахъ (ослахъ). Верхомъ же они вѣзжаютъ прямо на тротуары, чтобы, не слѣзая, купить чего либо въ лавкѣ; верхомъ же вѣзжаютъ они и въ караванъ-сераи, нѣчто въ родѣ пассажа,—производя этимъ для непривычныхъ европейцевъ затрудненія и неудобства, что, однако, нисколько не смущаетъ ни туземную публику, ни туземцевъ городскихъ, равнодушно взирающихъ на это, какъ на явленіе самое обыкновенное. На площади, тамъ и сямъ, плотныя группы халатниковъ окружаютъ рассказчиковъ, кривляющихся на разные лады, при громкихъ крикахъ одобренія и восторга, или толпятся около *дивона* (юродивый), произносящаго свои проповѣди и прорицанія съ невѣроятной жестикуляціей и сильнымъ возбужденіемъ, которое, передаваясь слушателямъ, выражается какими-то протяжными полустонами и полувздохами. Вся эта толкотня и суетня напоминаетъ масляничныя гулянья на Царицыномъ лугу въ Петербургѣ, только тутъ больше пестроты, шума, а—главное—безпорядка. И все это повторяется регулярно каждыя среду и воскресенье. Сюда собираются туземцы не за однимъ только дѣломъ и покупками, но и для *томаша*, т. е. удовольствія и развлечения, которые заключаются въ блужданіи съ мѣста на мѣсто и въ питьѣ чая. Чай пьютъ въ многочисленныхъ чай-хане, представляющихъ изъ себя такое же помещеніе, какъ и лавки, но бѣльшихъ размѣровъ; посѣтители размѣщаются на полу, устланномъ войлоками или коврами; имъ подаютъ на маленькомъ кругломъ мѣдномъ подносѣ: чайникъ завареннаго зеленого чая (туземцы пьютъ только зеленый чай) безъ сахара, но съ хлѣбомъ, имѣющимъ видъ толстаго блина и чашку. Если пьютъ нѣсколько человекъ вмѣстѣ, то имъ нужна все таки одна чашка, а не по числу пьющихъ; чашка эта послѣ cadaго глотка переходитъ къ другому и т. д. Чашки имѣютъ особую форму въ видѣ воронки, на узкомъ концѣ которой находится дно, а изъ верхняго, широ-

каго, пьютъ чай. Блюдечекъ къ чашкамъ не подается. Чашки эти, главнымъ образомъ, привозныя изъ Россіи, частью же китайской работы. Иногда къ чаю подается сушеный виноградъ. Чай заваривается изъ громадныхъ самоваровъ тульской работы. Лѣтомъ чай пьютъ не только въ самомъ чай-хане, но и возлѣ, располагаясь на войлокахъ, разстилаемыхъ для этой цѣли по тротуару и даже за тротуаромъ. Безъ чаю сартъ немыслимъ, онъ пьетъ его много разъ въ день при всякомъ случаѣ, а потому и чай-хане такая масса. На базарѣ же, — такъ называется вся торговая улица, — жарятъ пирожки, варятъ пильмени, дѣлаютъ пилавъ и другія сартскія кушанья, которыя и съѣдаются, смотря по желанію потребителей, или въ помѣщеніи, гдѣ варятъ ихъ, или же прямо на улицѣ. На половинѣ улицы, — какъ я уже сказалъ выше, примыкаетъ къ ней съ одной стороны квадратная площадь, ограниченная улицею, а съ остальныхъ трехъ — зданія *медресе* (мусульманское высшее училище). Зданія эти имѣютъ со стороны площади девяносто семь футовъ высоты, со стороны же улицы только тридцать восемь футовъ. Со стороны улицы, дверей они не имѣютъ, но то тамъ, то здѣсь, безъ всякаго порядка и симметріи, виднѣются маленькія оконца безъ рамъ и стеколъ, изъ которыхъ иногда выглядываютъ головы мусульманскихъ студентовъ. Оконца эти, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Двери, ведущія въ каждое изъ этихъ трехъ зданій, находятся подъ громадными, достигающими самаго верха зданій, арками, выходящими на площадь (*регистанъ*). По угламъ, выходящимъ на площадь, возлѣ зданій, возвышаются *мунары*, т. е. башни, напоминающія своею формою фабричныя трубы; высота каждой башни — девяносто семь футовъ и тринадцать въ діаметрѣ. На вершину башенъ ведутъ, продѣланные внутри ихъ, узкіе проходы. Видъ съ башенъ открывается очаровательный. На востокъ и югъ виднѣются исполинскія горы въ сверкающихъ серебромъ снѣжныхъ покровахъ; на сѣверъ — холмистая горная возвышенность, освѣщенная солнечными лучами, кажется волнуемымъ моремъ огня. Подъ самыми же ногами раскинулся городъ, слившійся съ кишлаками, которые утопаютъ въ обильной растительности и уходятъ въ безпредѣльную даль, синѣющую на горизонтѣ...

Однако, башни эти служили не для того, чтобы съ нихъ любоваться природой, а, до покоренія Самарканда русскими, съ нихъ сбрасывали преступниковъ, завязавъ ихъ предварительно въ мѣшокъ, а на площади такихъ же преступниковъ рѣзали большими ножами по горлу, какъ барановъ.

Самыя зданія *медресе* представляютъ собою громадныя четы-

рехъугольники, стѣны которыхъ сдѣланы изъ кирпича, а съ наружной стороны, какъ и стѣны башенъ, выложены съ низу до верху мозаикою; внутри же они образуютъ вымощенные кирпичемъ дворы, очень напоминающіе собою театральныя залы тѣмъ, что имѣютъ по стѣнамъ въ нѣсколько ярусовъ ряды ложъ, съ дверью въ каждой. За этими дверями находятся комнатки преподавателей и воспитанниковъ, войти въ которыя можно внутренними коридорами. Крыша медресе плоская и сдѣлана изъ кирпича, самые же дворы не закрыты крышей. Ширина и длина cadaго изъ трехъ зданій равняется ста семидесяти пяти футамъ, а внутреннихъ дворовъ—девянсто восьми футамъ. Медресе господствуетъ надъ всѣми другими постройками, сливающимися одна съ другой своими кровлями. Впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ города есть еще нѣсколько, если не такихъ же обширныхъ, то не менѣе высокихъ зданій, и изъ нихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, мечеть Биби-ханымъ,—гдѣ похоронена жена Тамерлана, — частью уже разрушены, благодаря своей древности, а, главное, тому, что туземцы ровно ничего не дѣлали, чтобы предохранить ихъ отъ разрушающаго дѣйствія времени. Особеннымъ почетомъ мусульманъ пользуется мечеть *Тимура*. Мечеть эта, какъ и большинство древнихъ сооружений, выстроена Тимуромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Тамерлана, который изъ земледѣльца, благодаря своему уму и энергіи, при эмирѣ Гуссейнѣ, достигъ высокихъ государственныхъ должностей, а послѣ смерти послѣдняго, въ 1370 году, сдѣлался эмиромъ. Самъ Тимуръ, его учитель и нѣсколько лицъ изъ его семейства погребены въ этой мечети и памятники ихъ стоятъ посреди ея за общей оградой, сдѣланной изъ мрамора. Подъ мечетью находится нѣчто въ родѣ подвала, въ которомъ и вырыты могилы похороненныхъ, и надъ каждой изъ нихъ положена надгробная доска съ вырѣзанными на ней изреченіями изъ корана. Подвалъ этотъ, или пещера, имѣетъ кирпичныя стѣны полъ и потолокъ и освѣщается нѣсколькими сальными свѣчами, вставленными въ большой деревянный подсвѣчникъ. Памятники погребеннымъ, находящіеся въ мечети, имѣютъ форму гробницъ; нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы изъ мрамора, одинъ изъ яшмы, а памятникъ самого Тимура сдѣланъ изъ двухъ кусковъ нефрита. Говорятъ, что прежде онъ состоялъ изъ цѣльнаго куска, но былъ разбитъ при похищеніи его ворами, которые, боясь погони за ними, бросили его. Похищали его уже не разъ, и увозили то въ Персію, то въ Китай, но все неудачно. Надъ могилой этого грознаго завоевателя развѣвается на длинномъ шестѣ съ мѣднымъ шаромъ конскій хвостъ — это его боевое знамя. Описываемая мечеть имѣетъ форму креста и увѣн-

чена куполомъ, а по угламъ ея фасада возвышаются двѣ такія же башни, какія и у медресе; одна изъ этихъ башенъ уже развалилась почти до половины. Внешняя мозаичная облицовка стѣнъ мечети мѣстами уже высыпалась, внутри же мечеть довольно грязна отъ паутины, пыли и летающихъ тамъ птицъ, свободно проникающихъ въ рѣшетчатые, безъ стеколъ, окна. Нижняя облицовка стѣнъ, сдѣланная изъ сердолика, хотя и очень истрапана, но почти вся сохранилась. Вообще въ Самаркандѣ, который считается «колыбелью среднеазиатскаго мусульманства», святынь довольно много. Къ наиболѣе почитаемымъ мечетямъ надо также причислить мечеть, называемую *Шай-Зинда*. Мечеть эта, по сартскимъ преданіямъ, выстроена на могилѣ святаго Шай-Зинда, жившаго когда-то давно и живымъ ушедшаго въ землю при взятіи Самарканда какимъ-то народомъ. По вѣрованію мусульманъ, этотъ Шай-Зинда живъ и теперь, и каждую пятницу выходитъ изъ земли черезъ имѣющееся въ ней отверстіе, на которое положенъ камень. И хотя въ этотъ день онъ разъѣзжаетъ по всему городу, однако, его никто не видитъ. Одинъ только разъ какому-то сарту удалось его увидѣть, но Шай-Зинда запретилъ ему говорить объ этомъ. Не смотря на запрещеніе, сартъ не могъ, однако, удержаться отъ того, чтобы не сообщить видѣннаго, и въ тотъ же моментъ онъ самъ, его домашніе и всѣ родственники ослѣпли, а теперь, по увѣренію рассказчиковъ, потомки его живутъ гдѣ-то въ Самаркандѣ и все также слѣпы; но, конечно, ни одинъ изъ рассказчиковъ не видалъ этихъ слѣпыхъ потомковъ. Такихъ святыхъ и рассказовъ о нихъ у мусульманъ очень много, и то тамъ, то здѣсь, можно встрѣтить шесты съ привязанными къ нимъ клинообразными кусками какой нибудь матеріи, которые указываютъ, что здѣсь могила святаго, и сартъ, проходя или проѣзжая мимо такого мѣста, непременно проведетъ ладонями рукъ по лицу и бородѣ, что означаетъ поклоненіе и почтеніе.

Сарты говорятъ, что съ приходомъ сюда русскихъ, всѣ святыне вышли изъ своихъ могилъ и скрылись въ горы, но возвратятся обратно тогда, когда христіане опять будутъ изгнаны, что должно произойти, по ихъ мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ Самаркандъ подпалъ подъ владычество христіанъ на опредѣленный срокъ. Легенды о прежде жившихъ и теперь живущихъ святыхъ здѣсь цѣлая масса, и притомъ самыхъ невѣроятныхъ.

Верстахъ въ двухъ за туземнымъ городомъ, на сѣверѣ, виднѣются остатки древняго города. Здѣсь есть пещеры и подземные ходы, къ которымъ туземцы питаютъ суевѣрный страхъ, увѣряя, что тамъ дьяволы сторожатъ громадныя богатства, спрятанныя ка-

кимъ-то древнимъ завоевателемъ Самарканда — Афросіабомъ. Впрочемъ, на поверхности почвы нѣкоторые промышляютъ собираніемъ бирюзы, гранатъ, а подчасъ и алмазовъ и, говорятъ, настолько удачно, что это составляетъ ихъ постоянную профессію.

Ни одна изъ современныхъ мечетей, которыхъ здѣсь около сотни, не представляетъ чего либо интереснаго ни въ архитектурномъ, ни въ археологическомъ отношеніяхъ. Это небольшія четырехъугольныя зданія съ плоскими крышами, иногда съ маленькимъ минаретомъ, чаще же безъ него; съ широкими террасами съ двухъ сторонъ или только съ одной. Навѣсъ надъ террасами поддерживается деревянными столбами съ примитивными рѣзными украшеніями. Иногда столбы, карнизы и потолокъ террасъ раскрашены разными яркими красками безъ всякаго стиля, но пестро, въ противоположность мозаичнымъ рисункамъ на древнихъ сооруженіяхъ. Мечети имѣютъ довольно большія окна, въ которыхъ вставлены рамы съ очень мелкими рѣшетками, но вмѣсто стеколъ, въ нихъ наклеена промасленная бумага. Возлѣ каждой мечети имѣется небольшая площадка, сажень въ шесть длины и столько же ширины. Площадки эти всегда усажены тутомъ, а посрединѣ площадки вырыта квадратная яма около сажени глубиною, и сажени четыре въ діаметрѣ. Яма эта постоянно наполнена водою изъ арыковъ и служитъ водоемомъ, изъ котораго всѣ прихожане мечети берутъ воду для домашняго употребленія. Вода эта мягче воды, употребляемой населеніемъ русской части города, но зато она изобилуетъ множествомъ мелкихъ водяныхъ животныхъ и микроорганизмовъ, которые бываютъ иногда причиною болѣзни, называемой *ришта*, которая заключается въ томъ, что на тѣлѣ появляется гнойная рана, изъ которой высовывается очень тонкій червячекъ, который вынимается постепенно накатываніемъ на палочку, но такъ какъ червячки длинны и тонки, то операція вытягиванія длится нѣсколько дней.

При мечетяхъ же имѣются небольшія школы для мальчиковъ, въ которыхъ ученики учатся, также какъ и у насъ, только зимою. Школа—это домикъ въ одну комнату, аршинъ двѣнадцать длины и пять ширины, безъ оконъ, которыя замѣняетъ рѣшетчатая дверь. Никакихъ признаковъ мебели въ школѣ не имѣется. Учитель и ученики садятся прямо на полу. Крики учащихся разносятся далеко за предѣлы школьнаго помещенія. Всѣ читаютъ размѣренно; слегка на распѣвъ, и раскачиваясь въ тактъ. Подчасъ это ритмическое чтеніе нарушается неистовыми воплями кого либо изъ провинившихся учениковъ, надъ которымъ педагогъ совершаетъ экзекуцію толстой нагайкой безъ всякаго милосердія. Кромѣ чтенія, учитель читаетъ своей аудиторіи и лекціи, напримѣръ, изъ космографіи,

въ которыхъ онъ сообщаетъ самыя точныя свѣдѣнія о семи земляхъ, о семи небесахъ, о большомъ быкѣ, поддерживающемъ всѣ семь земель и въ свою очередь покоящемся на громадной рыбѣ. Приводитъ подробности о размѣрахъ земли, имѣющей форму квадрата и тому подобныя, строго научныя, данныя... Г. Смирновъ говоритъ въ своей географіи, что почти всѣ сарты грамотны, что мальчики обязательно посѣщаютъ школы, а дѣвочки учатся у жонъ муллы. Ничего подобнаго нѣтъ. Никакого обязательнаго ученя у сартовъ не существуетъ, и громадное большинство ихъ неграмотны; что же касается грамотныхъ женщинъ, то онѣ составляютъ очень рѣдкое исключеніе. Грамотнаго сарта можно сейчасъ же узнать по чалмѣ, конецъ которой онъ закладываетъ на верхъ, тогда какъ неграмотный этой привилегіи не имѣетъ, за исключеніемъ *хаджи*, т. е., такого, который побывалъ въ Меккѣ. У неграмотнаго конецъ чалмы спускается съ боку на грудь. Кромѣ того, грамотный сартъ имѣетъ титулъ «*мулла*» прибавляемый къ его имени, на примѣръ—мулла-Гасанъ, мулла - Керимъ. Мулла — это есть титулъ всякаго грамотнаго, а не названіе духовнаго лица, какъ нѣкоторые думаютъ; духовное же лицо, совершающее всѣ требы и состоящее при всякой мечети, называется *имамомъ*, а находящіеся при мечетяхъ Тимура и другихъ носятъ названіе *хатыба*, который есть высшее духовное лицо и никакихъ требъ не исполняетъ, а совершаетъ лишь общественныя богослуженія въ пятницы и праздники.

Туземный *городъ* ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, что мы привыкли понимать подъ этимъ названіемъ. Здѣсь нѣтъ ни тротуаровъ и мостовыхъ, ни большихъ домовъ и магазиновъ, ни фонарей, хотя бы для самаго скуднаго освѣщенія. Улицы не представляютъ собою болѣе или менѣе правильныхъ линій, а узкими коридорами извиваются на подобіе какой нибудь маленькой рѣчонки,—такъ что по прямому направленію нельзя сдѣлать и полусотни шаговъ,—развѣтвляются, перекрещиваются, сливаются вмѣстѣ и вдругъ прекращаются такъ неожиданно, что непривычному человѣку нетрудно заблудиться въ этомъ лабиринтѣ. Улицы до того узки, что только по нѣкоторымъ можно проѣхать въ экипажѣ, но разѣхаться при встрѣчахъ уже невозможно, а по всѣмъ другимъ можно только ходить или ѣздить верхомъ. Однако, для туземцевъ это никакого неудобства не причиняетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ экипажей, а ѣздятъ они всегда только верхомъ на лошади или ослѣ; также ѣздятъ женщины и дѣти. Нерѣдко можно видѣть по два, даже по три человѣка, сидящими верхомъ на одной лошади. Если перевозится какая либо кладь, то она навьючивается на осла или верблюда. Такіе же

предметы, какъ на примѣръ, бревна, привязываются концами къ сѣдлу, по одному съ каждой стороны лошади, и такъ перевозятся.

Домъ не выходитъ на улицы, а образуются они изъ непрерывнаго ряда глиняныхъ стѣнъ, аршинъ въ пять вышиною; однообразіе нарушается только попадающимися иногда лавчонками, мечетями, или старыми кладбищами, которыхъ немало. Въ стѣнахъ имѣются низенькія двери, ведущія во дворъ, который всегда раздѣленъ на двѣ половины; въ первой обыкновенно устроены навѣсы для лошадей и складыванія кормовыхъ запасовъ для животныхъ. Въ этой же половинѣ двора находится комната, служащая для приѣма гостей-мужчинъ. Во второй, болѣе чистой, половинѣ двора находятся кладовыя и такая же комната, какъ и въ первой половинѣ;—эта комната назначается для жилья; у нѣкоторыхъ бываетъ выстроено по двѣ, а иногда и по три такихъ комнаты, стоящихъ или рядомъ, или въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ же дворѣ принимаются гости-женщины, и тогда хозяинъ и вообще мужчины должны уйти съ этой половины двора; постороннимъ же мужчинамъ входъ въ эту половину двора безусловно возбраняется. Хотя женщины и ходятъ въ гости къ своимъ знакомымъ, но дѣлаютъ это однако рѣдко, такъ какъ выходить изъ дому считается неприличнымъ, а молодыя женщины и совсѣмъ никуда не ходятъ, развѣ только очень рѣдко къ своимъ родителямъ. Комнаты, какъ для жилья, такъ и для приѣма гостей, дѣлаются почти у всѣхъ одной мѣры; аршина четыре ширины и аршинъ восьми длины, безъ оконъ, съ двумя дверями въ одной изъ двухъ длинныхъ стѣнъ. Въ срединѣ, между дверей, имѣется ниша; три такихъ же ниши дѣлаются въ одной изъ короткихъ стѣнъ и служатъ помѣщеніемъ для посуды, которая заключается въ мѣдныхъ котелкахъ, подносахъ, кувшинахъ и самоварахъ туземной работы. Сартскій самоваръ сдѣланъ на подобіе кувшина съ очень узкимъ горлышкомъ, а вмѣсто крана къ нему придѣланъ длинный носикъ, какъ у чайника.

Стѣны комнатъ у богатыхъ или зажиточныхъ людей оштукатурены и на нихъ бываютъ нарисованы уродливые чайники, какія-то фантастическія деревья и цвѣты. Полъ устилается тростниковыми циновками, застланными войлокомъ, сверхъ котораго разостланы ковры и стеганья одѣяла. Недалеко отъ одного изъ угловъ сдѣлано маленькое квадратное углубленіе, въ которое зимою насыпаютъ горячихъ углей для согрѣванія, такъ какъ печей въ комнатѣ нѣтъ. Надъ углубленіемъ поставленъ маленькій столикъ въ половину аршина высоты и въ аршинъ длины и ширины; столикъ этотъ, называемый *сандами*, покрывается одѣяломъ; обитатели комнаты въ

холодное время садятся вокруг столика и прикрываются опускающимися съ него концами одѣяла, подъ которымъ скопляется тепло отъ горячихъ углей; двери же комнаты, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, остаются открытыми. Спать на полу также около этого столика, расходясь отъ него лучеобразно во всѣ стороны. Какъ хане, т. е. жилища, такъ и всѣ постройки дѣлаются изъ сырой глины, набиваемой въ остовъ изъ тонкихъ жердей; потолокъ состоитъ изъ ряда балокъ, на которыя, вмѣсто досокъ, положены выструганныя палочки, прикрытыя сверху цыновкой, на которую насыпана земля служащая крышей; для прочности крыша смазывается жидкой грязью. Такой плоской крышей обнесенъ весь дворъ; къ нему непосредственно примыкаетъ сосѣдній и т. д., а поэтому часто можно видѣть идущихъ по крышамъ дѣтей и женщинъ, но мужчинамъ ходить по нимъ нельзя, чтобы они не могли увидеть чужой женщины безъ покрывала въ какомъ нибудь дворѣ.

IV.

Сартъ очень рѣдко бываетъ дома; онъ или идетъ торговать, работать, или просто бродитъ безъ дѣла по базарной улицѣ, или сидитъ гдѣ либо у лавочки. День у сартовъ начинается рано—часовъ съ пяти, когда они отправляются по зову муэдзина въ мечеть. Возвратясь изъ мечети, куда ходятъ только одни мужчины, семья пьетъ чай съ блиновидными хлѣбами; ѣсть, смотря по сезону, или свѣжіе фрукты, или сухой виноградъ. Зимой утренній чай заваривается не изъ самовара, а варится въ котелкѣ съ молокомъ и солью. Обыкновенно сарты, выпивъ чайный настой, съѣдаютъ и самые листья, которые имъ кажутся очень вкусными. Послѣ чая всѣ мужчины расходятся по своимъ дѣламъ, а женщины или шьютъ одежду, или занимаются какими либо другими женскими работами. Часовъ около двѣнадцати снова чай, хлѣбъ и фрукты. Только часовъ въ восемь начинаютъ обѣдать. Обѣдъ варится на дворѣ; для этой цѣли имѣется небольшой глиняный очагъ, въ верхнее отверстіе котораго ставится котелъ. Обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ одного кушанья,—или пильменей, или *шурты*—супа изъ фруктовъ и овощей, или, въ большинствѣ случаевъ, изъ любимаго національнаго кушанья—*пилава*. Пилавъ дѣлается изъ риса, который предварительно распаривается и затѣмъ жарится въ бараньемъ жиру, съ небольшимъ количествомъ бараньяго же мяса, морковью, перцемъ и маленькими кислыми ягодами, называемыми *каракотъ*. Это кушанье довольно вкусно. Послѣ обѣда слѣдуетъ чай, а часовъ въ девять всѣ ложатся спать. Сарты любятъ одѣваться очень пестро.

На головѣ они носятъ расшитый или парчевый колпакъ, а поверхъ его чалму, которая бываетъ всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, но всего красивѣе чалма бѣлая. Обувь состоитъ или изъ сапогъ съ высокими остроконечными каблуками, или, въ большинствѣ, изъ *ичиковъ*, т. е. сапогъ, сдѣланныхъ изъ мягкой кожи съ мягкими же подошвами — нѣчто въ родѣ кожаныхъ чулокъ; съ верху ичиковъ одѣваются кожаные же калоши съ высокими каблуками. При входѣ въ мечеть, въ комнату, или же на разостланный по землѣ для чаепитія войлокъ, калоши снимаются; входить въ калошахъ или въ той же обуви, въ которой ходили по землѣ, считается грѣхомъ. Поверхъ рубахи сарты носятъ халаты, которыхъ они надѣваютъ по два, по три. Халаты не разстегиваются; только, надѣтый подъ верхнимъ подвязывается поясомъ, т. е. просто кускомъ матеріи, или кисеи, всегда семи аршинъ длиною; этотъ поясъ служитъ съ тѣмъ вмѣстѣ и карманомъ; сартъ все закладываетъ въ его складки, — и деньги, и тыквенный флаконъ съ табакомъ, и многое другое. У богатыхъ или щеголей, вмѣсто такого пояса, употребляется широкій, вышитый шолкомъ и весь усаженный серебряными бляхами, достигающими размѣровъ небольшого чайнаго блюдечка и очень часто усаженными бирюзой. Халаты шьютъ изъ свѣтло-синяго сукна, больше же изъ пестрыхъ шолковыхъ матерій и ситцевъ. Въ противоположность мужской одеждѣ, верхняя одежда женщинъ разнообразіемъ цвѣтовъ не отличается. Дома женщины носятъ длинную рубаху, иногда бѣлую, иногда же цвѣтную, и такіе же шаровары изъ ситца, а у зажиточныхъ изъ шолковой матеріи; на ногахъ — башмаки съ высокими каблуками, а на головѣ повязку, похожую на высокій цвѣточный горшокъ, перевернутый вверхъ дномъ. Волосы заплетаются въ массу косъ, висящихъ сзади и по бокамъ. На улицѣ женщины надѣваютъ одежду, похожую на халатъ, но не имѣющую рукавовъ. Халатъ этотъ надѣваютъ не на плечи, а на голову, и изъ-подъ него выступаетъ только лицо, но оно закрыто густой сѣткой, сплетенной изъ черныхъ волосъ конскаго хвоста. Цвѣтъ женскаго халата всегда одинъ и тотъ же — сѣровато-синій. Дѣвочки лѣтъ до десяти ходятъ, не закрывая лица сѣткой. Какъ мужчины, такъ и женщины очень любятъ смотрѣться въ зеркало и питаютъ особенное пристрастіе къ духамъ; кромѣ того, женщины чернятъ себѣ рѣсницы, зубы и брови, проводя черту отъ одного виска до другаго безъ всякаго перерыва, и нисколько не заботясь о томъ, чтобы она совпала съ естественными бровями; это ихъ очень безобразитъ. Ногти на рукахъ, а иногда и на ногахъ, окрашиваютъ въ ярко-красную краску. Черты лица сартовъ правильны и не имѣютъ ничего общаго ни съ монгольскимъ, ни съ персидскимъ типами, а

напоминаютъ европейскіе народы. Головы, т. е. строеніе черепа, у многихъ изъ нихъ имѣетъ антропологическій интересъ, представляя уклоненія отъ нормы; можно встрѣтить черепа, до того сжатые съ боковъ, что они имѣютъ видъ кукурузнаго зерна; у другихъ затылокъ представляетъ ровную площадку съ наклономъ отъ темени къ заду.

Женщины, также какъ и мужчины, иногда курятъ *чилими*, т. е. кальянъ; другаго способа куренья табаку у сартовъ нѣтъ. Курятъ, впрочемъ, не всѣ; много сартовъ жуютъ мелкій черный или зеленый табакъ, называемый *носъ*. Любятъ также жевать *сакычъ*, — какую-то желтую смолу безъ всякаго вкуса и запаха. Попадаются и субъекты, курящіе опій.

Дѣтямъ, — какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ, — головы брѣютъ, но у дѣвочекъ на вискахъ и затылкѣ волосы остаются нетронутыми и заплетаются въ нѣсколько мелкихъ косъ; у мальчиковъ же часто оставляется на затылкѣ клокъ волосъ, который, какъ у китайцевъ, заплетается въ одну косу.

Себя и дѣтей сарты любятъ обвѣшивать амулетами, которые состоятъ изъ длинной, узкой полоски бумаги, плотно скатанной въ трубку и вложенной въ кожаный или металлическій футляръ, прикрѣпленный къ одеждѣ. Бумажки изготовляются имамами и продаются желающимъ по 1—2 рубля. Назначеніе амулетовъ различно: отъ бессонницы, для отогнанія злыхъ духовъ, для защиты отъ разбойниковъ и т. д.

Своихъ дѣтей сарты обрѣзаютъ, и этотъ день составляетъ торжество: рѣжутъ барана, варятъ нѣсколько пудовъ пилава (полова) и сзываютъ гостей. Отрѣзываніе косы у мальчиковъ сопровождается также торжествомъ. Особенно большое празднество составляетъ свадьба. Сарты женятся лѣтъ пятнадцати, но это далеко не составляетъ общаго правила, и многіе женятся довольно поздно. Прежде всего отыскиваютъ подходящую невѣсту, которую смотрятъ мать жениха и его родственницы. Послѣ этого, между отцомъ жениха и отцомъ невѣсты слѣдуетъ торгъ о *калымѣ*, т. е. выкупѣ, который долженъ быть данъ за невѣсту. Калымъ бываетъ отъ пятидесяти рублей и больше, смотря по состоянію. Когда торгъ оконченъ, отдается половина калыма и назначается день свадьбы, по приближеніи котораго отецъ жениха покупаетъ четырехъ барановъ, корову и одну козу. За два дня передъ свадьбой, два барана, корова и коза отсылаются въ домъ невѣсты, туда же отправляютъ рисъ, морковь и дрова для варки пилава; посылаются даже одѣяла, на которыхъ будутъ сидѣть гости. Черезъ день послѣ этого, вечеромъ, женихъ со своими родными и знакомыми отправляется за невѣстой.

Здѣсь слѣдуетъ угощеніе: каждыя три человѣка получаютъ блюдо пилава и по одному хлѣбу. Приглашенный имамъ читаетъ положенныя молитвы, что составляетъ обрядъ вѣнчанія, но невѣста лица не открываетъ. Жениху дарятъ хорошій халатъ, сапоги и даже бѣлье, которое онъ тутъ же и надѣваетъ. Часа черезъ два всѣ отправляются въ домъ жениха; невѣста ѣдетъ верхомъ на лошади вмѣстѣ со своимъ братомъ или, за неимѣніемъ его, съ другимъ родственникомъ, покрытая сверхъ головы особымъ вышитымъ покрываломъ, которое совершенно скрываетъ всю ея фигуру. Впереди идутъ мальчики съ горящими факелами, сдѣланными изъ тряпокъ, привязанныхъ къ палкѣ и пропитанныхъ масломъ. По прибытіи процессіи къ жениху, на первомъ дворѣ невѣста встрѣчается отцомъ жениха. Среди двора зажигается костеръ, вокругъ котораго обводится невѣста, сидящая на лошади, послѣ чего она, вмѣстѣ съ другими женщинами, удаляется во второй дворъ; здѣсь ее проводятъ въ комнату, приготовленную для новобрачныхъ, которая украшается присланнымъ передъ этимъ приданымъ, заключающимся въ кускахъ вышитой матеріи (преимущественно кисея, коленкоръ и красный ситецъ), одѣяль, которыхъ у сартовъ всегда много, и мѣдныхъ кувшиновъ. Въ этой комнатѣ, вмѣстѣ съ молодыми, остаются ночевать и прибывшія женщины, но новобрачные помѣщаются за шолковой занавѣсью. Мужчины частію расходятся по своимъ домамъ, частію остаются ночевать и спать въ комнатѣ для гостей. Въ этотъ день никакихъ угощеній, кромѣ чая и жидкой рисовой каши, не бываетъ. Съ утра слѣдующаго дня начинаются приготовленія къ приему гостей; рѣжется одинъ изъ двухъ оставшихся барановъ, приносится громадный чугунный котелъ изъ мечети (въ каждой мечети имѣются, для надобностей прихожанъ, большіе котлы), въ которомъ приглашенный для этого специалистъ готовитъ очень вкусный пилавъ пудовъ изъ двѣнадцати, или больше, рису. Оставшіеся ночевать гости помогаютъ, то разводя огонь, то очищая морковь и т. д. Наконецъ, часамъ къ двѣнадцати, пилавъ готовъ. Начинаютъ являться гости, въ числѣ которыхъ бываютъ не только знакомые, но и всѣ сосѣди, всѣ прихожане мечети. На каждыхъ трехъ человѣкъ даютъ блюдо пилава и три хлѣбца, получивъ которые, гости усаживаются или на дворѣ, или на крышѣ, смотря по желанію; съѣдаютъ свой пилавъ, выпиваютъ чайникъ и тотчасъ же уходятъ, унося каждый свой хлѣбецъ, — и такъ продолжается непрерывно: одни приходятъ, другіе уходятъ. Пилавъ, какъ и всегда, ѣдятъ прямо руками, безъ помощи вилокъ или ложекъ (жидкія кушанья сарты ѣдятъ ложкой особеннаго устройства, причемъ ложка бываетъ одна, не смотря на число обѣдающихъ и передается поочередно

отъ одного другому). Обязанности хозяина заключаются въ томъ, что онъ стоитъ у воротъ и, когда всякій выходящій, приложивъ къ груди руку, говоритъ ему, кланяясь, привѣтствіе, онъ съ такимъ же поклономъ отвѣчаетъ. Имамы получаютъ вмѣсто одного — два хлѣбца, а почетные гости, кромѣ того, по горсти туземныхъ лакомствъ; самымъ же почетнымъ даютъ ящичекъ съ сахаромъ — фунта два, а иногда и маленькія головки сахару. Женщины угощаются во второмъ дворѣ. Во время этого пиршества бываетъ и музыка, т. е. барабанъ и очень пискливая дудка, визжащая всегда на одинъ и тотъ же монотонный мотивъ; съ музыкантами приходятъ *бачи*, т. е. мальчики, которые услаждаютъ зрителей пляской и кувырканьемъ. Впрочемъ, музыканты остаются очень недолго и скоро уходятъ. Часа черезъ три все громадное количество сдѣланнаго пилава съѣдается, и если появляются запоздавшіе гости, то сейчасъ же уходятъ, видя, что блюда уже моются.

Черезъ два дня послѣ описаннаго пиршества, то же самое происходитъ въ домѣ отца невесты, къ которому наканунѣ отсылается послѣдній изъ четырехъ купленныхъ барановъ. На свадьбу гости приходятъ въ праздничной одеждѣ, хозяинъ же и всѣ его домашніе остаются въ старой. Отъ отца невесты новобрачный получаетъ халатъ, и его родственникамъ тоже дарятъ по халату. Тѣмъ свадьба и кончается; жизнь входитъ въ обычную колею; только новобрачная освобождается на одинъ мѣсяцъ отъ всякой работы и ровно ничего не дѣлаетъ; первые же три дня она и въ своей комнатѣ все время стоитъ у дверей съ лицомъ, закрытымъ кисеей, да въ теченіе шести мѣсяцевъ молодой мужъ не имѣетъ права бить свою жену. Хотя сарты, какъ мусульмане, имѣютъ право держать по нѣскольку жонъ, однако, большинство держитъ только по одной женѣ, а двоеженцевъ можно встрѣтить очень рѣдко, и обычаемъ это не одобряется. Гораздо чаще бываютъ разводы, для которыхъ со стороны мужа достаточно сказать женѣ «*айда талакумъ*», т. е. иди, я развожусь; а со стороны жены — предъявить судѣ сдѣланный ей мужемъ на тѣлѣ синякъ. Кромѣ свадьбы, важнымъ событіемъ въ семьѣ бываетъ смерть кого либо изъ ея членовъ. Какъ только кто либо умеръ, женщины сейчасъ же поднимаютъ вой, на который со всѣхъ сторонъ начинаютъ сходиться женщины сосѣднихъ домовъ, присоединяя свой голосъ къ общему концерту, звуки котораго далеко разносятся, привлекая все новыхъ и новыхъ посѣтителей. Дворъ наполняется народомъ, и всѣ прилегающія крыши заполнены женщинами. Общій вой прекращается, и теперь одна женщина дѣлаетъ на распѣвъ громкій выкрикъ, а хоръ остальныхъ подхватываетъ припѣвъ: «и—й!» ко-

торый чередуется съ другимъ, отрывистымъ—«га»! вырывающимся изъ всѣхъ грудей, какъ по командѣ. Между тѣмъ, покойника вымываютъ, укладываютъ на очень узкія носилки, надъ которыми устанавливаютъ какое-то подобіе балдахина изъ яркой шолковой матеріи, несутъ въ мечеть, а оттуда на кладбище, гдѣ зарываютъ въ могилѣ, безъ гроба, въ одномъ бѣльѣ. Женщины въ похоронной процессіи не участвуютъ, а сидятъ дома и испускаютъ вопли. Вопли эти повторяются по нѣскольку разъ въ день, иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

V.

Праздниковъ у сартовъ очень немного: *Новый годъ*, *Рамазанъ* и *Курбанъ*. Празднику «Рамазанъ» предшествуетъ тридцатидневный постъ, называемый *Руза*. Постъ этотъ очень своеобразенъ: весь день, до захода солнца, сарты ничего не ѣдятъ, не пьютъ и даже не курятъ, но тотчасъ же послѣ солнечнаго захода начинаютъ ѣсть, пить чай и курить, и ѣдятъ тогда больше, чѣмъ въ обыкновенное время. Поѣвъ вечеромъ, часовъ около двухъ ночи они встаютъ, снова ѣдятъ и опять укладываются спать. Въ Рузу, днемъ, стараются спать, а ночью, когда можно ѣсть, бодрствуютъ. Я сказалъ, что въ Рузу ѣдятъ больше, чѣмъ когда либо, и къ обычнымъ блюдамъ прибавляются варенье и всевозможныя туземныя лакомства, которыми въ дни этого поста все наводнено; но главный предметъ потребленія составляетъ *нишалла*, которую ежедневно покупаютъ даже самые бѣдные сарты. Нишалла—это яичные бѣлки, взбитые съ сахаромъ или съ винограднымъ медомъ (*минни*) и приправленные имбиремъ. По виду это напоминаетъ наше сладкое—зефиръ. Въ самый день праздника Рамазана, сарты отправляются въ *Намазга*. Намазга—это большое зданіе изъ кирпича, съ куполообразной крышей, съ одной стороны открытое. Зданіе это окружено большимъ паркомъ изъ тутовыхъ деревьевъ. Послѣ молитвы, въ паркѣ начинаются всевозможныя развлечения въ туземномъ вкусѣ: питье чая, сласти, качанье на качеляхъ и музыка. Женщины, конечно, не бываютъ въ Намазгѣ, а развлекаются посѣщеніемъ другъ друга. Намазга оживляется только въ день Рамазана, во все же остальное время года, она никѣмъ не посѣщается, а въ паркѣ ходятъ чьи либо лошади, или мальчишки лазятъ по деревьямъ.

Курбанъ празднуется три дня въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраамомъ своего сына Исаака. Въ этотъ праздникъ зажи-

точные сарты рѣжутъ барановъ, дѣлаютъ пилавъ и приглашаютъ сосѣдей и знакомыхъ.

Въ Новый годъ устраивается игра, называемая *кубкари*, которая состоитъ въ томъ, что покупается въ складчину коза. Желающіе принять участіе въ игрѣ собираются верхами на площадкѣ. Одинъ изъ числа играющихъ беретъ къ себѣ на сѣдло зарѣзанную козу и выѣзжаетъ на средину площадки; по данному знаку всѣ играющіе ѣдутъ за нимъ и стараются его поймать, причемъ схватываютъ руками козу за ухо, за ногу и т. д., и продолжаютъ эту игру до тѣхъ поръ, пока вся коза не будетъ истерзана на куски. Впрочемъ, Новый годъ вообще мало празднуется.

Свой недѣльный праздникъ — пятницу — сарты не выдѣляютъ изъ остальныхъ дней недѣли, и за исключеніемъ *уста* и *мардекоровъ*, — т. е. мастеровыхъ и рабочихъ по профессіи, — всѣ работаютъ.

Нищихъ у сартовъ довольно много; иные ходятъ по домамъ и громогласно выкрикиваютъ, другіе стоятъ на базарѣ; но, кромѣ этихъ обыкновенныхъ нищихъ, существуетъ особая корпорація — *календарей*. «Календари» живутъ въ особомъ зданіи, называемомъ *календарь-хана* и, какъ особый знакъ своего званія, носятъ высокую остроконечную шапку, вышитую пестрымъ рисункомъ и опущенную кругомъ короткой бахромой. «Календари» ходятъ по базару толпой, распѣвая священныя пѣсни, а двое изъ нихъ идутъ по противоположнымъ сторонамъ улицы, подходя къ каждой лавкѣ, изъ которой имъ подають какую либо мелкую монету, преимущественно *чохи*. Говоря о чохѣ, необходимо замѣтить, что въ Самаркандѣ находятся въ обращеніи, — кромѣ русскихъ денегъ, — еще бухарскія: танги, чохи и тиллы. *Танга* — серебряная монета величиною въ наши десять копѣекъ, но толще, и имѣетъ цѣнность шестнадцати копѣекъ. Эта монета служитъ единицею счета. Кромѣ серебряной танги, есть мѣдная, которая называется черной; это очень тонкій неровный кружокъ цѣнностью въ четыре копѣйки. Чохи — мѣдные гладкіе кружки величиною въ серебряную тангу и цѣною въ четверть копѣйки. *Тиллою* называется золотая монета, содержащая въ себѣ сорокъ тангъ, но тиллы не такъ часты, чохи же и танги есть въ каждой лавкѣ и у каждаго сарта; въ кишлакахъ же, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ города, русскую монету не всегда можно сдать: тамъ ее не знаютъ и будутъ требовать туземныхъ денегъ, которыми для такихъ случаевъ и слѣдуетъ запасаться.

Впрочемъ, кромѣ денегъ, для туземцевъ сохранено и народное управленіе. Самаркандская область раздѣляется на уѣзды, началь-

никами которыхъ состоятъ русскіе. Уѣздъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на волости, управляемыя волостными правителями изъ туземцевъ. Волостнымъ правителямъ подчинены старшины, а этимъ послѣднимъ—старосты.

Въ судебномъ отношеніи уѣздъ раздѣляется на нѣсколько участковъ, подвѣдомственныхъ *казы*, т. е. народному суду, выбираемому туземнымъ населеніемъ изъ своей среды. Казы разбираетъ всѣ гражданскія дѣла, возникающія между сартами, независимо отъ суммы иска, дѣла гражданскія и тѣ изъ уголовныхъ, которыя не подлежатъ разсмотрѣнію областного суда. Апелляціонная жалоба на рѣшеніе казы приносится въ *саязъ*, т. е. съѣздъ народныхъ судей. Какъ ни странно это на первый взглядъ, но сарты всячески стараются избѣжать суда у своего казы, а предпочитаютъ судъ русскій, хотя это имъ не всегда удается ¹⁾. Явленіе это объясняется тѣмъ, что казы далеко не всегда свободны отъ пристрастія—и богатство или общественное положеніе тяжущихся оказываютъ немалое вліяніе на рѣшеніе разсматриваемаго дѣла; при судопроизводствѣ, казы руководствуются не русскими законами, а мусульманскимъ шаріатомъ. Въ общемъ судопроизводство, — какъ сознаютъ и сами туземцы, — поставлено у нихъ очень не рационально и какъ процессуальная, такъ и догматическая стороны имѣютъ массу крупныхъ недостатковъ, входитъ въ подробное обсужденіе которыхъ не мѣсто въ бѣглому очерку.

Кромѣ выше описанныхъ должностныхъ лицъ, существуютъ еще разные *аксакалы*: для наблюденія за ирригаціей (арикъ-аксакалы), торговые и т. д. Вся эта туземная бюрократія пользуется у своихъ соплеменниковъ очень большимъ внѣшнимъ почетомъ.

Такимъ образомъ, туземное населеніе пользуется здѣсь бѣльшими правами и преимуществами сравнительно съ русскимъ, у котораго выборныхъ должностей нѣтъ, и даже должность городского головы вездѣ соединена въ одномъ лицѣ съ должностью уѣзднаго начальника.

Угнетенные до прихода русскихъ прежними суровыми порядками, сарты, боявшіеся громко разговаривать или собираться на улицахъ, теперь «развернулись», и не въ рѣдкость видѣть пьяную компанію сартовъ, ѣдущихъ, развалясь, на извощикахъ и громко горланящихъ свои пѣсни или издающихъ пронзительные крики,— и это не въ туземномъ только городѣ, какъ не въ туземномъ же, а въ русскомъ городѣ можно видѣть лошадей, поставленныхъ прямо

¹⁾ Любопытно отмѣтить, что мы сами *навязываемъ* инородцамъ тѣ учрежденія, которыми они тяготятся и охотно промѣняли бы ихъ на общерусскія, государственныя.

на тротуарѣ и мѣшающихъ проходу, причемъ сартъ сидитъ гдѣ либо тутъ же и спокойно наблюдаетъ, какъ вы стараетесь обойти его лошадь, для чего иногда приходится залѣзть въ грязь.—Лѣтомъ можно часто услышать пѣніе трезвыхъ сартовъ — очень похожее на заунывный вой—подъ дребезжащіе звуки *сантура* (трехструнный инструментъ) или громкое рѣжущее слухъ ораніе. Словомъ пѣніе это таково, что лучше его, не слышать...

VI.

Сартъ, житель города, совершенно освоился съ европейской культурой, но онъ понялъ ее по своему и пользуется ею очень односторонне, т. е. постольку, поскольку она можетъ дать ему личныя матеріальныя выгоды. Дѣйствіе цивилизаціи отразилось не на улучшеніи жизненныхъ удобствъ или общественнаго благополучія, а проявилось, на примѣръ, въ умѣньѣ взять изъ Москвы товаръ «въ кредитъ» и потомъ, объявивъ себя несостоятельнымъ, не заплатить за него; въ ростовщичествѣ и писаніи векселей на сумму, превышающую долгъ и т. д.

Сартъ очень хитеръ и лживъ, и полагаться на всѣ его слова, увѣренія и обѣщанія — значитъ дать себя обмануть. При продажѣ своего товара, онъ всячески старается обмѣрить, обвѣсить, сорвать лишнія деньги, и все это самымъ безцеремоннымъ образомъ, а сартъ-полицейскій вмѣсто того, чтобы смотрѣть за продѣлками торговца, сидитъ около чайника или, полулежа, раскуриваетъ кальянъ. Впрочемъ, этическія воззрѣнія сарта-полицейскаго — тѣ же самыя, что и сарта-торговца, и въ образѣ своихъ дѣйствій онъ ничего предосудительнаго не видитъ. Сартъ по натурѣ торгашъ, и какъ у кавказскихъ горцевъ уваженіемъ пользуются отчаянные головорѣзы, такъ у сарта въ почетѣ ловкій спекулянтъ; а потому всѣ приемы торговли, считающіеся у европейцевъ предосудительными, здѣсь идутъ за признаки ума и сметливости. Торговля у сарта—настолько почетное занятіе, что если одинъ сартъ желаетъ высказать свое уваженіе другому сарту, то онъ къ его имени прибавляетъ слово «бай» т. е. не просто Сеидъ, а Сеидъ-бай (бай, на туземномъ языкѣ, значитъ купецъ). Если сартъ хочетъ отозваться съ хорошей стороны о комъ либо, то онъ скажетъ: «*улъ якши, файда кубъ ясай*» (т. е. онъ хорошій человекъ; прибыли имѣеть много).

Воинственныхъ наклонностей, какъ на примѣръ, у туркменовъ и текинцевъ, сарты не имѣютъ; хотя у многихъ изъ нихъ, вопрекъ запрещенію, имѣются револьверы, но служатъ они не для нап

денія, а для защиты въ дорогѣ, также для охраненія виноградниковъ. Лѣтомъ сартовъ остается очень мало въ городѣ; они переселяются за городъ въ свои виноградники, гдѣ живутъ съ апрѣля по октябрь. Въ это время начинаютъ бродить шайки вооруженныхъ воровъ, которые забираются во дворы и выбираютъ изъ нихъ все имущество, иногда связывая хозяевъ, чтобы не мѣшали, а то и убивая ихъ. Эти воры очень дерзки и если глиняная стѣна облюбованнаго ими дома очень высока, — какъ это бываетъ больше въ виноградникахъ, — и перелѣзть черезъ нее нѣтъ средствъ, то они не задумываются подрыться подъ нее. Противъ этихъ-то нежеланныхъ посѣтителей и держатъ огнестрѣльное оружіе.

Сартъ прекрасно сознаетъ всѣ выгоды и удобства, получаемыя имъ въ русскомъ подданствѣ, но все еще продолжаетъ искренно ненавидѣть эмира Бухарскаго за то, что онъ и самъ ѣздилъ въ Россію, и сынъ его получилъ въ ней образованіе. Климатъ Самарканда жаркій, но зима въ немъ не особенно теплая. Я знаю только одну зиму 1997—1898 года и потому буду говорить о ней. Перваго декабря было еще очень тепло, тепло настолько, что на открытомъ воздухѣ продолжали цвѣсти фіалки, маргаритки, циніи и другіе цвѣты; цвѣли даже розы; но уже 15-го декабря, послѣ дождя, выпалъ снѣгъ, а за нимъ начались морозы, которые около двухъ недѣль держались постоянно, доходя градусовъ до четырехъ. Послѣ этого морозы прекратились, и снѣгъ растаялъ, но снова выпалъ 6 января и продержался до 20-го числа, послѣ чего быстро растаялъ, и къ концу января температура на солнцѣ была уже $+ 29^{\circ}$ R. Послѣ этого были легкіе морозы 8, 9 и 10-го февраля, но уже 11-го зацвѣли маргаритки и фіалки. 13-го пошелъ дождь, перешедшій въ снѣгъ, который выпалъ на четверть аршина и пролежалъ до 20-хъ чиселъ при постоянныхъ морозахъ, дошедшихъ до 10° R. Не замерзавшіе всю зиму арыки покрылись льдомъ, и только въ 20-хъ числахъ морозы прекратились, а снѣгъ растаялъ. Въ первыхъ числахъ марта снова появились цвѣты, прилетѣли ласточки, журавли и даже гуси. 12-го марта температура на солнцѣ была уже $+ 40^{\circ}$ R, а въ тѣни $+ 18^{\circ}$ R. Это мои личныя наблюденія; по словамъ же мѣстныхъ жителей, эта зима была необыкновенно сурова и напоминаетъ зиму, бывшую 15-ть лѣтъ назадъ, но и та была все же легче этой. Обыкновенно, какъ говорятъ, почки на деревьяхъ къ концу февраля уже распускаются. Теперь же туземцы боятся, что многіе изъ ихъ деревьевъ пропадутъ.

Весною и осенью выпадаютъ дожди, но съ апрѣля и до октября ихъ совершенно не бываетъ, и небо во все лѣто остается совершенно безоблачнымъ, солнце раскаляетъ атмосферу и почву до

того, что температура доходить на солнцѣ до 55 градусовъ, а въ тѣни до 37 градусовъ по Реомюру, и такая высокая температура бываетъ уже въ первой половинѣ мая. Небо бываетъ то блестящимъ темносинимъ, то мутно-сѣрымъ, отъ носящихся въ воздухѣ мелкихъ частицъ песку, поднимаемаго вѣтромъ въ безконечныхъ среднеазиатскихъ степяхъ. Сарты начинаютъ ходить полуголыми и принимаютъ темно-бронзовый оттѣнокъ; впрочемъ, это дѣлаетъ рабочій классъ, маленькія же дѣти туземцевъ нерѣдко разгуливаютъ прямо au naturel. Металлическіе предметы, лежащіе подъ лучами солнца, дѣлаются до того горячи, что ихъ нельзя взять въ руки. Ночью жаръ смѣняется духотою, а къ тому же, послѣ заката солнца, начинаютъ свои нападенія крошечныя мошки, укусы которыхъ настолько чувствительны, что искусанныя мѣста покрываются красными пятнами, причиняющими нестерпимый зудъ. Тѣ, кто уже пожилъ въ Самаркандѣ, становится индифферентнымъ къ укусамъ этихъ мошекъ и они не производятъ тѣхъ страданій, которыя испытываютъ новоприбывшіе. Кромѣ мошекъ, неприятными животными являются фаланги и скорпіоны, которыхъ здѣсь очень много, но ужаленія скорпіоновъ, къ счастью, очень рѣдки; фаланги же въ дома не заползаютъ, а водятся только въ садахъ, тогда какъ скорпіоны любятъ селиться въ стѣнахъ и крышахъ.

Не смотря на сильныя жары и полное бездождіе, растительность въ Самаркандѣ очень богата; деревья покрыты сочной блестящей зеленью, растутъ замѣчательно быстро и достигаютъ громадныхъ размѣровъ; клеверъ, который здѣсь замѣняетъ сѣно, достигаетъ высоты нашей ржи, срѣзывается серпами и черезъ двѣ недѣли вновь вырастаетъ на томъ же мѣстѣ до прежней высоты, что даетъ возможность снимать его много разъ въ теченіе лѣта. Рисъ, требующій мокрой почвы, растетъ прекрасно и все это—благодаря орошенію почвы посредствомъ арыковъ, безъ которыхъ все вымерло бы и обратилось въ пустыню.

Особенно поражаетъ обиліе фруктовъ. Прежде всего, въ концѣ мая, появляется *алу-балу*—особый родъ вишни, очень крупный и сочный. Въ началѣ мая бываетъ клубника, но такъ какъ выращиваніемъ ея занимаются мало, то она довольно дорога—около 20 копѣекъ фунтъ. За алу-балу слѣдуютъ арбузы, дыни, достигающія двѣнадцати вершковъ длины и необыкновенно вкусныя и ароматичныя,—такія, какихъ у насъ въ Россіи и найти нигдѣ нельзя; персики въ множествѣ сортовъ, очень крупные величиною, съ большое крымское яблоко и цѣною около двухъ копѣекъ десятокъ; фиги, айва, гранаты, груши, яблоки, сливы, миндаль, фисташки и всевозможныхъ сортовъ виноградъ, начиная съ маленькаго чернаго

и желтаго, и кончая длиннымъ, почти въ вершокъ, бѣловатымъ сортомъ. Вездѣ фрукты, фрукты и фрукты—цѣлое море фруктовъ и притомъ замѣчательно дешевыхъ. Дыни и арбузы долго еще продаются послѣ конца лѣта, особенно дыни, которыя есть на базарѣ и въ мартѣ, причемъ цѣна ихъ повышается до 15—20-ти копѣекъ за штуку. Во множествѣ растутъ маслины и каперцы, послѣдніе даже по стѣнамъ и крышамъ, но туземцы ни того, ни другаго готовить не умѣютъ, а русскіе, вѣроятно, не желаютъ,—такъ они и пропадаютъ втунѣ.

Не смотря на теплый климатъ, богатство растительности, обиліе фруктовъ и красоту снѣговыхъ горъ, окружающихъ Самаркандъ, долго жить въ немъ невозможно:—является тоска и тянетъ назадъ въ Европу. Здѣсь чувствуешь себя совсѣмъ отрѣзаннымъ отъ міра: газеты приходятъ позже чѣмъ черезъ недѣлю, а столичные почти черезъ полмѣсяца; въ городѣ нѣтъ ни одной публичной библіотеки, ни одного періодическаго изданія, не говоря уже о полнѣйшемъ отсутствіи выставокъ картинъ или другихъ художественныхъ произведеній, съ которыми европеецъ такъ сжился и отсутствіе которыхъ является немалымъ лишеніемъ. Литература имѣетъ хоть кое-какихъ своихъ представителей въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ книгъ крошечнаго книжнаго магазина; но какія это книги?—учебники, дѣтскія книжки да разный беллетристическій хламъ, и лишь нѣсколько произведеній беллетристовъ, пользующихся заслуженною извѣстностью. Книгу, положимъ, можно выписать, но чѣмъ и какъ удовлетворить стремленіе къ искусствамъ?

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ежедневно, съ неизсякаемымъ удовольствіемъ, созерцать древнія сооруженія и горы, горы и древнія сооруженія... И по неволѣ начинаешь искать «кушакъ и шапку», чтобы сбѣжать изъ этого заснуваго угла, атрофирующаго въ человѣкѣ всѣ интеллектуальныя способности.

VII.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о землетрясеніи, бывшемъ въ Самаркандѣ 5-го сентября 1897 года и свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть. Было восемь часовъ вечера; я проходилъ около фруктовыхъ лавочекъ въ концѣ бульвара. Солнце уже сѣло и былъ теплый южный вечеръ, густую темноту котораго нарушали ярко-сверкавшія звѣзды да рѣдкіе фонари улицъ; вдругъ, совершенно неожиданно, раздался шумъ, похожій на движеніе массы экипажей, ѣдущихъ по каменной мостовой, что въ первый моментъ не произвело на меня особаго впе-

чатлѣнія; въ то же мгновеніе сарты выбѣжали изъ своихъ лавочекъ, и не успѣлъ я спросить въ чемъ дѣло, какъ раздались трескъ и скрипѣніе лавокъ; деревья, фонари—все начало качаться подъ акомпанементъ подземнаго грохота; почва подъ ногами заколебалась, какъ пароходъ въ легкую качку и, въ довершеніе впечатлѣнія, голова начала кружиться. Подземный гулъ начался съ сѣвера и направился на югъ, откуда все еще слышался, когда колебанія почвы уже прекратились, и только раскачавшіяся деревья продолжали вздрагивать и шумѣть своими вершинами. Придя домой, я увидѣлъ много вещей, попадавшихъ на полъ. Ночью, въ 11-ть часовъ, я былъ разбуженъ грохотомъ и качкой—земля снова колебалась. Не желая быть раздавленнымъ,—еслибы упала крыша,—я сейчасъ же выбѣжалъ на середину двора; но столбы, за которые я старался удержаться отъ качки, выскользывали изъ рукъ, увлекаемые колебаніемъ. Послѣ оказалось, что почти во всѣхъ домахъ стѣны дали трещины и отскочили куски штукатурки; кое-гдѣ разбились стекла въ окнахъ: съ полокъ падала и разбивалась посуда. Одна мечеть треснула сверху донизу; кое-гдѣ упали старыя туземныя жилища. Я слышалъ, что упавшимъ потолкомъ раздавило двухъ сартовъ, но самъ этого не видалъ и за достовѣрность не ручаюсь.

Впечатлѣніе, производимое землетрясеніемъ, какое-то особенное, новое; прежде всего поражаетъ необычность явленія, а потомъ чувство полнѣйшей беспомощности:—стоишь, видишь колеблющуюся подъ ногами почву, и никуда не можешь уйти!

Послѣ описаннаго случая, землетрясенія повторились еще 7-го сентября въ десять часовъ вечера и ночью 5-го октября, но они были уже значительно слабѣе, особенно послѣднее.

Николай фонъ-Гукъ.

Г. Самаркандъ.

Сафо.

(Изъ П. Верлена).

Дрожа отъ ярости, какъ лютая волчица,
По берегу пустынному она
Зловѣщимъ призракомъ въ безумномъ бѣгѣ мчится.

Фанъ ее отвергъ!—Желанія полна,
Она горитъ въ своей тоскѣ влюбленной,
Терзая пряди косъ рукою изступленной.

Свою любовь, обиды горькой срамъ—
Она клянетъ: давно-ль, не зная страсти плѣна,
Она, подруга дѣвъ, бряцала въ честь Гимена
На весь Парнасъ по золотымъ струнамъ?..

Послѣдній шагъ! Она исчезла тамъ,
Куда ее звала клокочущая пѣна;
И вспыхнулъ сумракъ водъ, въ вѣнцѣ блеститъ Селена,
Угодная карающимъ богамъ.

Конст. Ивановъ.

